

Новый источник по истории Прутского похода 1711 года

В 1782 г. в Англии были опубликованы «Мемуары Питера Генри Брюса, эск[вайра], офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...»¹. Автор этих обширных и содержательных воспоминаний шотландский офицер П.Г. Брюс (1692–1757) состоял на русской военной службе с 1710 по 1724 г.²

Питер Генри Брюс, по словам публикатора его мемуаров – «офицер заслуженный и несомненной чести», происходил из того же рода потомков шотландских королей, что и видные деятели петровской эпохи – генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс и его брат, петербургский обер-комендант Роман Вилимович Брюс. Как рассказывал сам мемуарист, во время протектората Оливера Кромвеля два близких родственника Яков Брюс и Иоанн (Джон) Брюс, владевшие поместьями в шотландском графстве Стирлинг, решили вместе уехать искать счастья в Германию. Однако по ошибке они сели на разные корабли. Якова – деда будущего генерал-фельдцейхмейстера и основателя русской ветви Брюсов судьба забросила в Россию, а Иоанн оказался в Кёнигсберге. Внуком последнего и был П.Г. Брюс.

Он родился в Бранденбурге в 1692 г., в четырнадцать лет поступил в Прусский полк, участвовал в войнах с Францией. Под командованием герцога Мальборо П.Г. Брюс дослужился до офицерского чина.

В начале 1711 г. по приглашению начальника русской артиллерии Питер Генри поступил на русскую службу и сразу же оказался в эпицентре важнейших событий в жизни России. Царь с армией отправлялся в поход против турок. П.Г. Брюс был представлен русскому государю в польском городке Яворове и пожалован чином капитана артиллерии.

Шотландец участвовал в Прутском походе, затем был послан Петром I к находившемуся в Константинополе с дипломатической миссией П.П. Шафирову. В начале августа 1711 г. он настиг русского посланника в Адрианополь (Эдирне) и вместе с ним прибыл в Константинополь (Стамбул). Находясь в турецкой столице во время затянувшихся русско-турецких переговоров, Брюс основательно познакомился с городом, повседневной жизнью турок, их нравами и религией.

После заключения мирного договора капитан был послан Шафировым с радостной вестью в Санкт-Петербург. Несколько лет П.Г. Брюс провел в петровском «парадизе» на Неве и в Москве. Это позволило ему оставить интереснейшие описания новой и старой российских столиц, а также яркие характеристики многих сподвижников Петра I.

Из Петербурга капитан был послан ко двору прусского короля, а с 1716 г. пребывал в составе русских войск в Германии. В июне 1718 г. П.Г. Брюс охранял арестованного и заключенного в Петропавловскую крепость царевича Алексея и стал невольным очевидцем его смерти.

В следующем году он был назначен в число наставников к сыну царевича – Великому князю Петру Алексеевичу, преподавал ему артиллерию и фортификацию. После смерти генерала А.А. Вейде государь перевел Брюса в свою собственную дивизию и поручил ему надзирать за строительством Ревельских укреплений. Шотландцу довелось участвовать и в разорительных для Швеции русских десантах под командованием П.П. Ласси (1719–1721 гг.), а позднее в Персидском походе (1722–1723 гг.). По поручению Петра Великого он изучил побережье Каспийского моря, описал его и составил подробную карту. На обратном пути с Каспия капитан принял участие в экспедиции астраханского генерал-губернатора А.П. Волынского против мятежных калмыков.

Император милостиво принял поднесенную ему Брюсом карту Каспийского моря и назначил его состоять во время коронации государыни Екатерины Алексеевны в Москве (1724 г.) при особе голштинского герцога Карла Фридриха – жениха цесаревны Анны Петровны. В том же году он получил увольнение от службы и уехал в Шотландию. Оттуда неугомонный Питер Генри оправился в Вест-Индию, где участвовал в строительстве крепостей и пережил ряд захватывающих приключений.

В 1745 г. П.Г. Брюс окончательно вернулся на родину предков. Сведения о последнем периоде жизни мемуариста крайне скудны. Из предисловия издателя можно предположить, что Брюс участвовал в якобитском восстании. Издатель скупо сообщил, что «рукопись внезапно обрывается в середине восстания 1745 года, и необходимо заметить, что приблизительно в то время автор был на укреплении Бервика, и по завершении этой работы он уединился в своем доме в деревне, где умер в 1757 году»³.

Мемуары П.Г. Брюса – один из самых ярких иностранных источников о жизни петровской России. Автор подробно рассказывает о своем пребывании в стране, быте и нравах населения, придворной жизни, перипетиях военной службы и т.п. Особое место в сочинении шотландского офицера занимают развернутые характеристики российских государственных и военных деятелей, с которыми он был лично знаком (Петр Великий, царица Екатерина Алексеевна, царевич Алексей, А.Д. Меншиков, Р.Х. Баур, Д. Кантемир, Б.П. Шереметев и др.).

П.Г. Брюс оставил читателю не только подробные описания Москвы, Новгорода, Санкт-Петербурга, Константинополя и других городов, но и включил в свои «Мемуары» целый ряд занимательных историй. В ряде случаев они напоминают исторические анекдоты XVII–XVIII вв. Благодаря этим сюжетам текст «Мемуаров» становится более живым и богатым по сравнению с современными сочинениями о России. Издатель мемуаров в предисловии отмечал, что их автор точно следовал «истине без малейших претензий на вымысел»⁴.

Мемуары П.Г. Брюса охватывают время с 1704 по 1745 г. и состоят из 12 книг. Большая их часть (книги со 2-й по 9-ю включительно) посвящена событиям, связанным с пребыванием мемуариста в России. Вероятно, в течение жизни он вел записки, на основе которых и были написаны «Мемуары». Заметим, что П.Г. Брюс, родившийся в Вестфалии и состоявший на службе в прусской армии, своим вторым языком считал немецкий. Именно на нем

и были составлены «Мемуары». Только лишь в 1755 г. автор перевел их на родной язык. «Мемуары» были опубликованы вдовой автора в Лондоне, а через два года вышли в свет в Лейпциге на немецком языке.

За исключением отдельных фрагментов и разделов «Мемуары» П.Г. Брюса никогда не переводились и не публиковались на русском языке⁵.

Официальный историограф деяний Петра Великого (назначенный на эту должность после трагической гибели А.С. Пушкина) академик Н.Г. Устрялов писал, «что в числе иноземцев, служивших в России и писавших о Петре Великом по возвращении в отечество, наиболее замечательны капитан Джон Пери, генерал Александр Гордон и капитан Брюс»⁶.

Однако историк высказывал сомнения в достоверности излагаемых в «Мемуарах» фактов. Он считал, что они представляют собой «форму ежедневной записки», а ее автор допускает ряд неточностей и ошибок⁷.

Природу допущенных П.Г. Брюсом ошибок можно объяснить тем, что «первоначальные его заметки были описываемы, вероятно, вкратце, а впоследствии, при переводе их, сведения в одно целое и изложении событий в большей подробности, легко могла ему изменить память»⁸. Более того, ряд фрагментов «Мемуаров», для придания им большей подробности, заимствован из сочинения современника П.Г. Брюса – ганноверского (брауншвейг-люнебургского) резидента в Санкт-Петербурге Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия».

Современный исследователь делает вывод, что, несмотря на ряд неточностей и даже заимствований, «помещенные в “Мемуарах” сведения вполне достоверны»⁹.

Большая часть первой книги «Мемуаров» посвящена одному из самых драматических эпизодов царствования Петра I – Прутскому походу 1711 г., ставшему главным событием Русско-турецкой войны 1710–1714 гг. Эта военная кампания поставила на грань краха все военные успехи России в Северной войне. Она создала угрозу самой жизни государя и его ближайшего окружения. Петр, его супруга царица Екатерина Алексеевна, генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и многие другие высшие военные и гражданские чины империи могли оказаться в турецком плену или погибнуть на берегах Прута.

Прутский поход достаточно подробно освещен в отечественной (С.Ф. Орешкова, Н.Н. Молчанов, В.А. Артамонов, Н.И. Павленко, Я.Е. Водарский и др.) и зарубежной (Б.Х. Самнер, А.-Н. Курат) историографии¹⁰.

Однако «Мемуары» П.Г. Брюса остались без внимания исследователей. Так, например, даже в новейшей монографии, посвященной загадкам Прутского похода, об этом источнике лишь вскользь упомянуто¹¹.

«Мемуары» П.Г. Брюса – ценный источник по истории России эпохи Петра Великого. Они требуют публикации на русском языке и специального источниковедческого исследования. Приведенный ниже фрагмент «Мемуаров» посвящен Прутскому походу 1711 г. и позволяет по-новому взглянуть на эту драматическую страницу в истории царствования Петра Великого¹². Перевод подготовлен при участии Н.Ю. Ефимовой.

¹ Bruce P.H. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West-Indies... London, 1782.

² Подробнее о П.Г. Брюсе см: Dictionary of National Biography / Ed. by L. Stephen. London, 1886. Vol. 7. P. 113–114; Steuart A.F. Scottish influences in Russian history: From the end of the 16th century to beginning of the 19th century. Glasgow, 1913. P. 95–104.

³ Bruce P.H. Memoirs. P. II.

⁴ Ibid. P. I.

⁵ Беспятых Ю.Н. Новгород в «Россике» XVIII в. // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. Т. 3 (13). С.137–139; Брюс П.Г. Из «Мемуаров...» // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С.162–191; Павлова Н.Ю. Спаситель государя // Медный всадник: Литературно-художественный журнал. 1998. № 1. С.125–126; Ефимов С.В., Павлова Н.Ю. Шотландец в России (Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эскавйра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...») // Ораниенбаумские чтения. Сборник научных статей и публикаций. Вып. I (Эпоха Петра Великого). СПб., 2001. С. 203–237.

⁶ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. LXV.

⁷ Там же. С. LXX–LXXI.

⁸ Несколько библиографических заметок по поводу сочинения г. академика Устрялова «История царствования Петра Великого» // Отечественные записки. 1858. Т. 68. № 6. Отд. 1. С. 541.

⁹ Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 28.

¹⁰ Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971; Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984; Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990; Павленко Н.И. Петр I. М., 2003; Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. М., 2004; Sumner V.X. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949; Kurat A.-N. Prut seferi ve barisi 1123 (1711). Ankara, Vol. 1–2. 1951–1953 (на турец. языке).

¹¹ Водарский Я.Е. Загадки Прутского похода Петра I. С. 103, 151, 180.

¹² Bruce P.H. Memoirs. P. 33–63.

Из «Мемуаров Питера Генри Брюса, эсквайра, офицера на службе Пруссии, России и Великобритании, содержащие известия о его путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции, Вест-Индии...»

Поступление на русскую службу капитаном

Этой зимой (1711 г. – *С.Е.*) я получил приглашение из Москвы от генерала от артиллерии Брюса (этот генерал Брюс был внуком Джеймса, который уехал из Шотландии с моим дедом поступить на службу к царю), если я собираюсь или подумываю о завершении службы в Пруссии. Генерал сообщал, что он находится в Эльбинге в Пруссии, где пробудет еще некоторое время, так что, если я приму его предложение, то смогу застать его там до отъезда. Как ни прельщала меня эта идея, однако, я не мог принять решение не посоветовавшись с моими родственниками в Берлине, чье дружелюбие было мне уже известно. Благодаря их единодушной поддержке я решил принять приглашение генерала. Получив разрешение оставить прусскую службу в чине капитана, я подготовился к отъезду и выехал из Торнау 25 марта 1711 года. Я следовал по маршруту Оденард – Гент – Сасс и приехал в Роттердам 30 марта. Оттуда я отправился дальше через Дельфт и Гаагу, прибыл в Амстердам 1 апреля и на голландском судне добрался до Кёнигсберга. Мы прошли Тексель 13 апреля и, войдя в пролив Зунд 2 мая, встали на якорь в Пиллау 7 мая спустя почти месяц странствий. Эта гавань и форт принадлежат королю Пруссии. Я сразу же нанес визит губернатору, который сказал мне, что у него есть письмо от генерала Брюса, который хочет, чтобы меня отправили в Эльбинг, как только я приеду. Но губернатор, полагая, что генерал не покинет того места так быстро, упрямил меня остаться у него на день-два и рассказать подробности последней военной кампании. После обеда пришел офицер, который сказал губернатору, что господин, который только что прибыл из Эльбинга, сообщил, что генерал Брюс должен уезжать в этот же день. Это заставило меня немедленно отправиться. Добравшись на лодке до противоположного берега, я взял лошадь и прибыл вечером в Эльбинг, но не застал генерала, так как тот уехал еще днем, получив срочное распоряжение царя присоединиться к нему в его дальней экспедиции.

Встреча с генералом Брюсом в герцогской Пруссии

Генерал-майор Балк, губернатор Эльбинга, сказал мне, что генерал Брюс хотел, чтобы тот незамедлительно отправил меня вслед за ним. Поэтому я сразу же вскочил на лошадь. Ночь была очень темная. Я догнал генерала следующим утром, 9 мая, в герцогской Пруссии. Он как раз готовился продолжать путешествие. Он встретил меня очень радушно и, видя, что я слишком утомлен, сказал, чтобы теперь я ехал в его собственной спальной карете, где я, конечно, отсыпался целый день, поскольку не отдыхал и не брал ничего в рот с тех пор, как обедал у губернатора в Пиллау. Эта «машина» – настоящая колесница во всех отношениях, только дно ее достаточно широко, чтобы можно было бы лечь во всю длину на кровати. Как я потом узнал, у каждого офицера русской армии есть такая повозка, которая очень нужна во время долгих походов по плохо устроенным странам. Генерал Брюс нанял несколько офицеров из нашей артиллерии на российскую службу, двое из них были инженерами.

Во время поездки генерал развлекал меня историей, которая произошла во время его пребывания в Эльбинге, где он спас одного старика от сожжения. У этого старика был один-единственный сын, который был аптекарем в городе. Отец отдал ему все, что у него было, при условии, что тот будет до конца жизни содержать его. Сын обращался с отцом вполне прилично, но его жена относилась к старику так бессердечно, что он вынужден был уйти из дома и питаться самостоятельно, за что сын, по подстрекательству жены, отказался платить. Люди, у которых жил старик, пригрозили бросить его за решетку. Это недостойное отношение так подействовало на старца, что он совсем обезумел. Лишившись разума, а собственной кровью написал обещание отдать свою душу и тело в руки дьявола, если тот взамен даст ему определенную сумму денег. Таков был проект договора со стороны старика. А для того, чтобы узнать мнение дьявола по этому вопросу, он отнес эту договор к пересечению двух дорог, полагая, что это самое подходящее место для встречи с нечистым. Там он сделал ямку и положил туда свое обязательство. Старик возвращался по несколько раз на место, чтобы посмотреть, не забрал ли дьявол его документ, и все искал деньги. Старик все больше злился на дьявола и, наконец, с горечью прокричал обвинение в его адрес. Несколько рабочих, которые что-то делали неподалеку и наблюдали его постоянные походы на то место, пришли на перекресток, когда старика не было, выкопали бумагу, которую отнесли магистратам. Старика схватили, пытали и приговорили к сожжению на костре. Генерал (Брюс. – *С.Е.*), которому рассказали всю историю, заинтересовался несчастным и сумел убедить магистратов и судей, что нынешнее плачевное состояние и страх перед будущей нищетой довели бедного старика до безумия и что не он, а его сын должен быть наказан. Эксперимент был прост, и истина скоро бы обнаружилась. Старика оставили на свободе, сына заставили платить за его питание четыре раза в год. Результат вскоре оправдал принятые меры, так как к его отцу вновь вернулся рассудок.

Приезд к царю в Яворов, где он тайно женился. Чин и награды генерала Брюса

17-го числа мы прибыли в Варшаву, а 29-го – в Яворов, где мы встретились с царем и царицей (Екатериной Алексеевной. – *С.Е.*) и где они тайно поженились. На этой церемонии присутствовал генерал (Брюс. – *С.Е.*), который по этому случаю был произведен в генерал-фельдцейхмейстеры вместо царевича мелитийского (Александра Арчиловича. – *С.Е.*), умершего в заключении в Швеции. Генерал Брюс в то время был кавалером четырех орденов, а именно Святого Андрея, Белого Орла, Черного Орла и Слона. А я здесь получил чин капитана от артиллерии и инженера. Отсюда я уехал в Лемберг (Львов. – *С.Е.*) для получения обмундирования для моих новых солдат. Там мне порекомендовали купца по имени Гордон, который оказал мне большую любезность. Когда

я вернулся в Яворов, армия была сформирована, и мы поехали со свитой Его Величества в Сороки [Soroка] на Днестр [Neister], где мы присоединились к русской армии. Это место находится в шестистах милях к югу от Эльбинга.

Состав русской армии

Русской армией командует фельдмаршал, а в его отсутствие – генерал от артиллерии, которому подчиняются генерал-лейтенант и генерал-майор. Артиллерийский полк состоит из 2400 бомбардиров, канониров, минеров и матросов [?]. К тому же каждый армейский батальон имеет одно походное орудие – трехфунтовую пушку. Армия делится на дивизии, каждая из которых состоит из девяти полков, один из них – гренадерский. Каждой дивизией командует генерал, генерал-лейтенант, генерал-майор и бригадир. Полк состоит из двух батальонов или восьми рот и им командует полковник, подполковник и два майора. Рота состоит из 150 рядовых, командует ею один капитан, два лейтенанта, один прапорщик, два сержанта, один подпрапорщик. К тому же есть один оружейник, один квартирмейстер, один писарь, лекарь (он же парикмахер), два барабанщика, один плотник, пять денщиков (или офицерских слуг) и четырнадцать возниц. Всего 183 человека. Каждая рота имеет свои собственные цвета мундиров, четыре цвета для каждого батальона. У генералов нет ни полков, ни походных офицеров и рот, ни капитанов. Выплата жалованья, оснащение вооружением и обмундированием, пополнение рот – все это осуществляется комиссаром-интендантом или казначеем. Необходимых новобранцев требуют с губернаторов разных губерний, которые их предоставляют. Название полка образуется от названия города или губернии, где он впервые возник, и оно закрепляется навсегда. Исключение составляют гренадерские полки, которые носят имя командующего генерала дивизии. Полковые роты обычно различаются по номерам, от одного до восьми, во время сражения они всегда строятся в четыре ряда, два передних ряда – на коленях. Собственная дивизия царя в это время была сформирована из четырех полков, у каждого из которых была рота гренадеров, которой не было ни у одного другого полка. Первый из этих полков назывался Преображенский [Prebrasinsky], и в нем было четыре батальона. Вторым – Семеновский [Samenoffsky], состоял из трех батальонов, третий – Ингерманландский, так же был из трех батальонов, и четвертый – Астраханский – из двух батальонов. Всего – тринадцать батальонов, включая четыре роты гренадеров. Каждая рота дивизии имеет дополнительно своего капитана-лейтенанта. Более того, в дивизии Его Величества были две другие гренадерские роты, которые состояли из бомбардиров, канониров и минеров. Все армейские батальоны имеют, по крайней мере, одного офицера, который является инженером.

Русская армия, включая гарнизоны, состоит из 200 000 человек пехоты и 100 000 человек кавалерии. К тому же имеются казаки и калмыцкие татары, которые при случае могут выставить в случае войны 150 000 человек. Вся армия носит белые кокарды, кавалерия одета в синее с алой отделкой, пехота – в зеленое с алой отделкой, а артиллерия – в алое, с отделкой синего цвета.

Армия, к которой мы присоединились в Сороках, состояла из пяти дивизий, по 6000 человек в каждом, под командованием фельдмаршала графа Шереметева [Zeremetof]. Первой дивизией была личная дивизия царя, второй – генерала Вейде, третьей – князя Репнина, четвертой – генерала Галларда, и пятый – генерала Ренцеля. Всего 30 000 человек пехоты в сопровождении многочисленной артиллерии, предназначенные для похода против турок. К нам должны были присоединиться 30 000 драгун, которых послали уничтожить склад боеприпасов, который турки поставили на Днестре чуть выше Бендер. Они выполнили задание и разбили там турок, но им не удалось соединиться с нами, т.к. мы не ждали их возвращения. К тому же во время похода к нам должны были присоединиться 50 000 калмыцких татар и 20 000 казаков. С таким подкреплением у нас должно было быть 130 000 человек.

Его Величество, собираясь двинуться с этой экспедицией, не стал ожидать соединения с остальными войсками, издал общий указ отправить назад всех женщин, которые ехали вместе с армией. Однако царица настояла на том, чтобы сопровождать Его Величество в походе. Ее просьба была удовлетворена. Генералы начали просить, чтобы она добила такого же позволения для их жен, и они могли бы сопровождать Ее Величество. Эта просьба также была исполнена. А остальные офицерские жены, полагаю, что они также имеют право на привилегию, поехали все, несмотря на приказ. И хотя это обстоятельство достаточно увеличило обоз с багажом, в конце концов послужило на пользу.

Наш нынешний поспешный поход, кажется, был вызван тайными делами молдавского князя Бранковяну [Brancoven]. Он взялся не только добавить к нам все свои военные силы, но и обеспечить обильное снабжение и пропитание. Вскоре это оказалось вне его власти, ибо султан, узнав о намеченном мятеже, лишил его княжения и приказал валашскому князю Кантемиру [Cantamire] схватить Бранковяну и отправить его в Константинополь. В то же время он приказал перекинуть мост через Дунай, что облегчило бы продвижение турецкой армии против нас. Однако турки, также как и мы, были введены в заблуждение. Из-за некоторых их важных особ, которые относились к Кантемиру особенно плохо, тот, вместо того, чтобы ускорить строительство моста, не спешил. Тем временем он отправил к царю офицера с просьбой добавить ему отряд в 30 000 человек. По мнению Кантемира, вместе с его собственными войсками этого было бы достаточно для того, чтобы не допустить переход турок через Дунай. Царь, только что разочарованный, если не сказать обманутый, Бранковяну (из-за того, что тот впоследствии поставил этот обман себе в заслугу перед турками), не мог верить в искренность Кантемира или неправильно понимал его, пока не стало слишком поздно остановить переход турок через реку.

Военный совет на Днестре

14 июня наша армия перешла Днестр. В то же время Его Величество собрал военный совет, который проводился в палатке генерала Брюса, тогда же было зачитано письмо князя Кантемира. Царь тогда упомянул о своем намерении двигаться вперед, не дожидаясь соединения с остальными войсками. Все генералы, за исключением промолчавшего генерала Галларда, выразили свое согласие. Царь, заметив молчание генерала, приказал ему вы-

сказать свои соображения и свободно выразить свое мнение. И генерал ответил, что, поскольку совет был столь единодушен, он никогда бы ничего не возразил, если бы Его Величество не настоял на том, чтобы он высказал свои мысли. Тогда он честно ответил царю, что он был очень удивлен, что неудача шведского короля не послужила достаточным предупреждением, так как тот король был обманут советом Мазепы. Ему не могла не прийти в голову мысль о том, что наше нынешнее положение было схожим: «Молдавский князь уже обманул нас, и из-за нашей доверчивости. Валашский князь может сделать то же самое, несмотря на то, что у него могут быть и добрые намерения. Он еще может захотеть и служить у нас и не подумает, что это должно испугать его войска, которые долго использовались турецкими властями». Именно так и оказалось.

Князь Кантемир присоединяется к нам без войск. Саранча. Появление турок

Судьба похода, однако, была решена, и мы отсиделись в эту самую ночь, чтобы избежать сильной атаки днем. Мы продолжали двигаться по бесплодной степи три ночи. На всем пути не было ни капли воды. Это тяжело переносили и люди, и животные. Восемнадцатого мы прибыли на реку Прут, где мы потеряли некоторое количество наших грузовых лошадей из-за того, что они выпили слишком много воды. Мы перешли реку девятнадцатого около Яссы [Jassey], столицы и резиденции молдавского князя. В этом месте к нам присоединился князь Кантемир, взяв с собой лишь нескольких сопровождающих. И молдавские и валашские войска покинули его из-за страха перед турками. Мы продолжали двигаться вниз по реке до 21-го числа. Тогда мы увидели целый рой саранчи, который, поднимаясь как облако, затмевал всю армию. Саранча не только уничтожала траву на полях, но и молодую кору и листья деревьев. Здесь мы опять потеряли некоторое количество нашего тяглогового скота из-за нехватки корма. Очень удивительно, но саранча никогда не оставляла нашу армию. И как только мы разбивали палатки, они прилетали и покрывали весь наш лагерь. Мы пробовали стрелять из пушки и стрелкового оружия, сжигать заряды пороха на земле, чтобы разогнать саранчу, но все было напрасно. Саранча сопровождала нас на всем пути, пока мы двигались вдоль реки до 27-го числа, когда мы увидели турецкую армию, переходящую Прут. В связи с этим генерал Янус вместе с войсковым соединением и двенадцатью пушками был отправлен для того, чтобы помешать их продвижению. Однако он опоздал, так как часть турецкой армии уже успела перейти реку до того, как он смог подойти к ним. Поэтому он счел благоразумным отступить к армии. Удивительно, что мы не имели ни малейшего представления о такой многочисленной армии, которая состояла, по меньшей мере, из 200 тысяч человек, до тех пор, пока они не попали в поле нашего зрения.

Построение русских войск на реке Прут

Наша армия выстроилась в боевом порядке, на некотором расстоянии от реки, надеясь завязать с турками бой. Однако они держались вне досягаемости наших ружей, растягивая свою многочисленную армию, пытаясь окружить нас и отрезать от реки. Мы оставались под ружьем до самой ночи. Мы были убеждены в их намерении и спешно отступили, чтобы укрепиться у реки. Из-за того, что все наши войска были в темноте отделены друг от друга, а также из-за того, что в тот момент мы испытывали большой недостаток лошадей, было решено сжечь часть наших багажных повозок, чтобы они не достались в руки неприятелю. Удивительно, что по количеству огней, ярко горевших в ночи, враг не почувствовал нашего замешательства, которое давало замечательную возможность разбить всю нашу армию. Они легко могли сделать это при помощи небольшой части своей армии. К счастью для нас, они больше беспокоились о собственной безопасности, чем о том, чтобы разбить нас. Оказалось, что они были очень заняты в это время укреплением своего собственного лагеря, и это помогло нам избежать их нападения. На рассвете наши разрозненные войска были вновь приведены в порядок, и армия выстроилась по периметру квадрата, четвертой стороной которого служила река. Это позволяло придать нашему каре большую площадь. Для защиты дам внутри построили укрепления.

На другой стороне реки, напротив нас, располагались крымские татары. Там король Швеции (Карл XII. – С.Е.) разбил свою палатку для наблюдения за продвижением нашей армии. Татары сильно досаждали нам, когда мы ходили за водой. Но стоило подвести несколько пушек, чтобы их припугнуть, как они тотчас предпочли держаться подальше. Наша армия была окружена рогатками, которые были единственной защитой.

Трехдневная атака турок

Турецкая армия окружила нас со всех сторон, намереваясь взять измором, и это бы им конечно удалось за короткое время, если бы они не слишком стремились нас атаковать. Атака продолжалась подряд три дня и три ночи, но, к счастью, они атаковали не все стороны сразу, а только какую-нибудь одну. Это позволяло нам раз за разом приходить на подмогу нашим утомленным частям, изнемогавшим от усталости. Мы также смогли использовать артиллерию, которая отгоняла турок. У них же, к счастью, не было ничего, чем нам ответить, так как их артиллерия еще не прибыла.

Царица спасает целую армию и князя Кантемира

На четвертый день царь, узнав, что боеприпасов осталось только, чтобы три раза зарядить пушки и мелкое оружие, приказал всем

План расположения русских и турецких войск на р. Прут

офицерам и еще некоторым садиться на лошадей и следовать за ним. Он собирался ночью проложить дорогу сквозь турецкую армию, а затем двинуться через Трансильванию в Венгрию. Однако царица, узнав об этом опасном решении и предвидя, чем рискует царь, а также потери и позор, которые выпали бы на его оружие и армию, к счастью нашла лучший способ, который спас всех нас от уничтожения. Она собрала все деньги, столовое серебро и драгоценности, которые были при армии, лично приняла их и взяла на себя обязательство отплатить позднее владельцам всю их стоимость. С помощью этого дорогого подарка она ловко обошлась с великим визирем, убедив его заключить мир. Дело было тут же исполнено фельдмаршалом без ведома царя, который только собирался отправиться в свой опасный поход. Ее Величество остановила его, рассказав, что великий визирь согласился заключить мир на приемлемых условиях. За этим актом исключительного женского благоразумия последовало четкое выполнение обещаний о серебре и т.д., по ее возвращении домой. Основным условием мира с нашей стороны было возвращение туркам Азова, Таганрога и Каминика (Каменного Затопа. – С.Е.) и то, что наши войска должны покинуть Польшу. Ради исполнения соглашения вице-канцлер Шафиров и генерал-майор Шереметев (сын генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. – С.Е.) были отданы в качестве заложников. Турки настаивали, чтобы молдавский князь Кантемир также был выдан. Однако им сказали, что князь покинул наш лагерь, и большинство из нас также в это поверило. Оказалось, что не успели еще и подумать о договоре, как царица укрыла его в своей собственной карете. Об этом знал только слуга, который носил князю еду. Царь с тех пор очень уважительно относился к князю Кантемиру и дал ему земли в России и на Украине, а также назначил содержание в 20 000 рублей в год.

Король Швеции укоряет великого визиря

Король Швеции, узнав об этом мирном договоре, поехал с татарским ханом, который в то время был очень заинтересован в его расположении, к великому визирю узнать, почему тот заключил мир так поспешно, тогда как в его власти было захватить в плен и самого царя и всю его силу. Визирь сообщил им, что, так как султан предоставил ему право решать все вопросы о войне и мире, он не мог отказать русским в мире, видя, что они хотят этого на условиях выгодных для султана. Это также давало туркам больше, чем они могли тогда ожидать. Король ответил, что, если бы визирь взял царя в плен и доставил его в Константинополь, то турки могли бы потребовать от него выполнить условия, которые им нужно. Король заявил визирю, что если тот даст ему сейчас 20 000 своих лучших воинов, то он (король. – С.Е.) еще бы мог вернуть тот шанс который упустили. Еще немного, и он будет потерян навсегда. Великий визирь ответил на это так: «Бог уберегает нас от нарушения мирного договора без причины, так как я уже принял заложников для его выполнения». Польский генерал Понятовский, который действовал в интересах Станислава (Лещинского. – С.Е.), присутствовал при этом. Видя, что король молчит, он ответил: «Есть еще способ, как не нарушить договор. Нужно отправить короля во главе 20 000 или 30 000 ваших лучших воинов, с помощью чего он сможет остановить царя и потребует от него более выгодных условий до того, как он двинется дальше». Тогда визирь сказал: «Это кажется мне, по меньшей мере, косвенным нарушением договора, в котором предусмотрено, что король может вернуться в свои собственные владения по территории царя в сопровождении турок. После этого, если он пожелает, то может заключить мир с царем». Король ничего не ответил, но посмотрел прямо на великого визиря и засмеялся ему в лицо. Уходя, он так резко повернулся, что порвал своей шпорой мантию визиря. Сев на лошадь, король уехал крайне недовольный. Потом он сговорился с ханом, чтобы его татары атаковали нас во время нашего пути. Визирь, узнав об этом, придал нам 30 000 спагов [spahis], лучшей кавалерии турецкой армии, чтобы довести нас до Днестра. Визирь отправил нам также несколько нагруженных повозок с провизией как подарок нашей армии.

Русские отступают в сопровождении паши

Поскольку дела были улажены таким образом, мы выехали из лагеря 2-го июля в полном порядке. Били барабаны и развевались знамена. Наша артиллерия и багажные повозки двигались между нами и рекой. Между нами и турками несли рогатки - каждую по два человека, чтобы быть наготове, в случае если бы татары решились напасть на нас. Мы двигались в этот день в поле зрения турецкой армии.

Жена и дочь полковника Пита схвачены татарами

Когда мы отправились в путь, полковника Пита постигло несчастье. Он потерял свою жену и дочь – красавиц. Произошло это по причине поломки у их повозки колеса. Из-за этого происшествия женщины остались так далеко, что татары схватили и увезли их. Полковник обратился к великому визирю, который приказал провести тщательное расследование, но безрезультатно. Когда впоследствии полковнику стало известно, что обе они были отправлены в Константинополь и подарены султану, он получил разрешение и поехал их там искать. Он познакомился с одним евреем, который был лекарем при Серале. Тот сказал, что будто бы видел двух дам, таких же как описал полковник, которые недавно были подарены султану. Однако если человека (женщину или мужчину) брали в Сераль, то ему уже никогда не удавалось выбраться оттуда. Полковник, тем не менее, пробовал все возможные способы, которые он только мог придумать, для того, чтобы освободить хотя бы свою жену, если нельзя выволить обеих. Все это продолжалось до тех пор, пока он не ожесточился от постоянных неудач и не стал открыто возмущаться. Его бросили в темницу, и очень сложно было вытащить его оттуда. Это удалось только благодаря ходатайству одного из послов при Османском дворе. Потом лекарь-еврей рассказал, что обе женщины якобы умерли от чумы. Полковнику пришлось довольствоваться этими сведениями, и он вернулся домой.

Султан подтверждает договор. Капитан Брюс доставляет срочное сообщение в Константинополь

Султан, получив известия о заключении мирного договора и преимуществах, которые он таким образом приобрел, приказал устроить трехдневные народные гуляния. Он также подтвердил свое согласие с действиями

великого визиря, выразив это не только в оказанном приеме, но и в лестных письмах и дорогих подарках.

Из-за нехватки лошадей мы двигались так медленно, что добрались до Степаново [Stepanowa] только 11 июля. Тогда мы перешли Прут и прибыли к Днестру после короткого, но очень опасного похода. На следующий день мы перешли реку и добрались до лагеря. Там мы обнаружили драгун, казаков и татар, которые обрадовались нашему благополучному возвращению и услышали наши печальные рассказы. Паша, который сопровождал нас сюда, когда увидел эти войска, сказал, что если бы они присоединились к нам, то мы бы превзошли турецкую армию. Сейчас наша армия разделилась, и мы пошли в разных направлениях. Царь отправился в Германию, взяв с собой генерала Брюса, но только после того, как написал новые инструкции для барона Шафировова, которые отправил срочно письмом в Константинополь. Я должен был доставить это послание послания, поэтому вернулся назад с пашой, который провожал нас сюда. Сейчас у него было только 2 000 человек. Остальные покинули нас по мере отъезда татар. Султан тем временем, из-за протестов шведского короля, дважды нарушал договор, а затем с легкостью снова возобновлял его действие. Это было пресечено и отразилось в инструкциях, которые я сейчас вез.

По дороге в Адрианополь паша оказывал мне всяческие любезности. 2-го августа мы прибыли туда, где встретили барона Шафировова и графа Шереметева, которые вскоре отправились с нами в Константинополь, куда мы прибыли 25-го числа и были встречены, не доезжая до города, графом Толстым, нашим послом. Он был заключен в Семи башнях с самого начала войны. Теперь его освободили. <...>*

П.П. Шафиров. Неизв. худ. XVIII в.

Источник сведений для капитана

Паша, которые сопровождал меня от Днестра до Константинополя, оказывал мне всяческие любезности в дороге и был очень добр ко мне, когда мы вернулись. Благодаря знакомству с ним, я услышал рассказы о правлении в Турции, их законах, обычаях и образе жизни.

Новые трудности Прутского договора

Когда мы приехали сюда (в Константинополь. – С.Е.) первый раз, то жили здесь очень спокойно. Однако это вскоре закончилось из-за постоянных интриг короля Швеции, татарского хана и французского посла. Согласно статье мирного договора, заключенного на реке Прут, великий визирь обещал, что шведский король покинет турецкие владения. Однако король, казалось, не собирался уезжать, а мы держали Азов и по истечении того срока, когда должны были его оставить. Это привело к очередному объявлению войны, и ее было легче развязать, так как визиря, который вел с нами переговоры, сменил другой, действовавший исключительно в интересах Швеции.

Смена министра. Новый договор

Султан, узнав, что министра (визиря. – С.Е.) щедрыми подарками переманили на другую сторону, прогнал его. После этого, при посредничестве сэра Роберта Саттона [Robert Sutton] и графа Кольяра [Colyar], британских и голландских министров при этом дворе, мирный договор вновь был подписан 16 апреля 1712 года, и султан уведомил об этом короля Швеции письмом, с требованием подумать о возвращении в свои земли.

Мирный договор вновь нарушен

Этот мир не долго продолжался, так как шведы вскоре нарушили его в Польше. Там староста Грушинский, который был в Турции со шведским королем, совершил внезапное вторжение в Великую Польшу с отрядом, состоящим из 4 000 валахов, казаков и т. д. Он напал и захватил целый полк русских, которые никак не ожидали нападения врага. Другая часть отряда достигла Познани, где они захватили склад боеприпасов и 300 русских солдат. Генерал Баур, узнав о случившемся, спешно отправился в Познань, быстро собрал отряд в 4000 русских, с которыми атаковал Грушинского, который несколько не подозревал об этом и не имел при себе почти никакой охраны. Он даже не решился сопротивляться и бросил весь свой лагерь. Генерал Баур гнался за ним днем и ночью и у Крутершия [Kruterschien] настиг его. Там Грушинский, не рискуя начать бой, взял своих офицеров, покинул солдат и вернулся в Силезию. Весь его отряд сдался в плен.

Царь протестует против этого

Теперь царь выступил против нарушения договора турками, а шведский король, хотя и был нападающей стороной, громко обвинил русских, которые якобы послали казаков на земли султана. Поэтому султан, будучи обманутый татарским ханом, французским посолом (М. Дефалем) и шведским министром, вновь нарушил мир под предлогом, что часть русских войск все еще находится в Польше. Султан, однако, чтобы самому убедиться, отправил в Польшу агу узнать есть ли в королевстве наши полки. Этот ага, попав под шведское влияние, подготовил соответствующий отчет.

* Далее следует описание Константинополя (Стамбула), государственного устройства Османской империи, религии, быта и нравов турок.

Министр опять сменился, а русский посол и другие отправлены в Семибашенный замок

Великий визирь, обвиненный в том, что он находится под влиянием царя, вынужден был уйти в отставку. Новым визирем стал Солиман-паша. В результате этого последовало очередное объявление войны, и приказание поместить в Семибашенный замок русского посла, заложников и всех офицеров посольской свиты.

Усиленная подготовка к войне

Неожиданное объявление войны сопровождалось приказами всем пашам собирать войска. Султан вместе со всем своим двором переехал в Адрианополь. Король Август [Augustus] и республика Польская отправили к султану официальное посольство. Блестящую свиту, состоявшую из трех тысяч человек, возглавил палатин Мазовии. Однако султан, который признавал королем Польши Станислава, воспрепятствовал прибытию этого посольства, схватив их по дороге и посадив в тюрьму. Королю Августу, обладавшему изрядной ловкостью, удалось склонить татарского хана на свою сторону. Пользующийся властью фаворит султана Али Кумурджи, приняв меры вместе с царем, нашел средства для убеждения своего монарха, что ага, отправленный в Польшу, составил ложное донесение о нахождении там русских войск. Визирь Солиман и муфтий были любимцами фаворита, и, несмотря на то, что оба прежде выступали за войну, говорили при Али Кумурджи о ее неприемлемости и с легкостью поддержали его замыслы. Невзирая на развернутую подготовку, они вскоре уговорили своего непостоянного господина (султана. – *С.Е.*) выслушать предложения по расквартированию войск, которые в то время были готовы к войне. Вскоре после этого были начаты переговоры, так как советник Шафиров и граф Шереметев обладали всеми полномочиями и ручались за царя, что его войска действительно покинут Польшу. Султан обязался заставить короля Швеции покинуть Турцию. Таким образом дела близились к разрешению, и я был отправлен в Петербург, куда и прибыл 13 октября. Но еще до того, как я добрался, наши войска вышли из Польши. Впоследствии царь утвердил мирный договор сроком на двадцать пять лет. На отказ шведского короля исполнить требование султана и покинуть Турцию хан и паша получили приказание заставить его удалиться силой. Это привело к известным событиям в Бендерах, подробности чего столь широко известны, что, я думаю, их повторять нет необходимости.